

ОТКРЫТАЯ КАФЕДРА

В рубрике «Открытая кафедра» журнал публикует материалы видных ученых, государственных и общественных деятелей, деятелей культуры, с которыми Московский гуманитарный университет поддерживает научные, творческие, деловые контакты.

Первая публикация посвящается памяти видного российского политолога Александра Сергеевича Панарина. На методологическом семинаре в МосГУ по проблемам глобально-прогнозирования он выступил 15 января 2003 г. Это было одно из последних публичных выступлений замечательного ученого. Публикуем фрагменты из стенограммы этого выступления.

А. С. ПАНАРИН

Глобальное политическое прогнозирование

Фрагменты выступления
на методологическом
семинаре в МосГУ

Я долго размышлял, [...] с каких методологических позиций можно подходить к прогнозированию будущего. Речь идет о долгосрочном прогнозировании. Изучая американскую школу, я понял: в ней прогнозированием занимаются в основном при помощи экстраполяции. То есть будущее — это то, что сегодня уже утвердилось в качестве господствующих тенденций, и важно теперь проследить, с какими количественными параметрами эти уже господствующие тенденции нам явятся через некоторый промежуток времени. Будущее как экстраполяция тенденции настоящего — это позиция сегодняшнего победителя, это позиция субъекта, которому выгодно, чтобы нынешние тенденции продолжались. Но история слишком разнообразна, чтобы ее могли присваивать даже такие откровенные гегемоны, с какими мы в данном случае имеем дело. Поэтому я думаю, что будущее как экстраполяция — это все-таки методологическая небрежность. Мы не имеем права так подходить

к будущему. Надо исходить из другой презумпции, а именно качественного иного будущего. [...]

В книге «Глобальное политическое прогнозирование» я предложил рассматривать историю как циклическую, причем циклическую в динамике, где есть фазы вызова и фазы ответа. Тогда, если мы рассмотрим настоящее не в околоритических тонах как некую безальтернативную тенденцию, а будем к настоящему относиться критически (не догматически, а критически) — если мы рассмотрим тенденцию нашей собственной эпохи как фазу *вызова*, то это означает, что будущее будет давать на него *ответ* или, иными словами, подчиняться закону некой реактивной динамики от противного. То есть будущее не только не будет продолжением настоящего, а наоборот, в будущем явится некий крутой поворот.

Я исходил из презумпции, что в долгосрочном политическом прогнозировании действует методология фаз вызова и ответа. Тогда мы можем говорить о будущем, если

к будущему. Надо исходить из другой презумпции, а именно качественного иного будущего. [...]

к будущему. Надо исходить из другой презумпции, а именно качественного иного будущего. [...]

к будущему. Надо исходить из другой презумпции, а именно качественного иного будущего. [...]

мы пойдем, вызовом чему и какую систему вызовов представляет наша с вами эпоха. Здесь мы приступаем к проблемам глобализации. О глобализации сегодня все говорят, как о некоем безальтернативном процессе. Мы лучше поступим, если будем говорить о ней как процессе, который включает в себя некие альтернативы, которые пока не проявлены, которые являются тайными, и что глобализация представляет собой откровенный, прямо-таки бесцеремонный вызов. На вызов будет дан ответ. Я бы хотел с этой точки зрения посмотреть на некие вызовы глобализма, и тогда вместе с вами мы могли бы поразмышлять о формах ответа.

В основе глобализации лежит целый ряд софизмов. Это софизмы реального политического процесса, это софизмы, когда частное смешивается с общим. Чаще всего говорят, что глобализация — это американизация. Это действительно так. Американизация представляет собой некий вызов. Наиболее откровенной формой вызова является однополярный мир. Что же такое однополярный мир? Однополярный мир означает мир, где настоящим национальным государственным суверенитетом пользуется одна-единственная страна — это Америка. Только она является суверенной. Все остальные страны не обладают политическим суверенитетом. Я думаю, что это является вызовом. Не все страны соглашались с этим вызовом. Политика однополярного мира — это террористическая политика, которая как раз говорит о том, что некоторые из современных тенденций «надо непременно прерывать». Тенденцию подъема Китая как грядущей сверхдержавы — «надо преодолеть, прерывать». Я думаю, что такая политика грозит авантюрой. Есть мусульманский мир. Если предполагать, что мусульманская цивилизация способна на некую консолидацию, на некую солидарность и т. д. (цивилизационная парадигма говорит о том, что это в принципе возможно), то, я думаю, что и нас, Россию, нельзя сбрасывать со счетов. То есть давайте здесь отключать политику нашей правящей элиты, которая сегодня неизменно поддакивает Америке, как кратковременную

политику правящих верхов России от долговременного поведения России как стратегического субъекта. Мы никогда не вели себя так, как сейчас. У меня есть основания полагать, что мы и в ближайшем будущем будем вести себя не так, как сейчас. Это означает, что мы будем оппонентами однополярного мира. Иначе говоря, однополярный мир имеет оппонентов. Это означает, что глобализацию нельзя путать с однополярным миром, а если глобализация будет развиваться в такой форме, она встретит противодействие, и тогда однополярный мир — это фаза вызова, на который будет дан стратегический ответ.

Давайте возьмем целый ряд других показателей, которые сопутствуют глобализации. Говорят: «Глобализация означает новый статус властных элит». Если глобализация означает, что политическая элита данной страны теперь уже имеет право не следовать воле избирателей данной страны, то это ставит под вопрос демократический суверенитет народа, то, что выстрадано всеми великими революциями Европы. Тогда так прямо и скажите, что глобализация и демократизация — это несовместимые вещи. Тех господ, которые собираются в Давосе, мы с вами не выбирали. Между тем господа, собирающиеся в Давосе, говорят, что собираются проводить такую-то социальную политику, что правительство Российской Федерации должно проводить такую-то социальную политику, точнее говоря свернуть ее. Мы их не избирали, не уполномочивали говорить от нашего имени, тем не менее они выносят решения, которые считают для нас с вами обязательными. Тогда это получается антидемократизация. Значит, получается, глобализация подрывает демократию, перечеркивает важнейшие достижения европейского модернизма: право народов иметь правительства, выполняющие его волю. Вот и получается, что появляются новые глобальные элиты и что глобализация и в этом случае представляет собой вызов, на который, очевидно, в той или иной форме будет дан некоторый ответ.

[...] Глобализация осуществляет выход экономической, политической, интеллекту-

альной элиты из системы национального и гражданского консенсуса. Те господа, которые называют себя элитой и причисляются к элите, все чаще проводят политику, с которой заведомо не может согласиться большинство данного населения. Это означает, что эта элита действительно ориентируется на глобальные межнациональные центры власти и следует директивам этой мировой глобальной власти вопреки интересам собственного большинства. Вот это называется — выход элиты из системы гражданского консенсуса. Получается, что элита за нашей с вами спиной ходит в некий клуб избранных и молчаливо говорит, что решения, принятые за нашей с вами спиной в рамках этого клуба избранных, являются для нас с вами обязательными, хотя явно противоречат нашим интересам.

[...] Инновационные группы — это те группы, которые уполномочены данным социумом для ускоренного усвоения научно-технической, экономической, политической, культурной и т. д. среды. Но предполагается, что эти группы потом возвращают своей нации приобретенный где-то вовне опыт. Теперь мы видим какой-то совершенно новый механизм, который ломает механизм модерна. Это элита, которая покинула свой дом и не собирается туда возвращаться. Это означает, что освоение так называемого передового опыта для данной нации бессмысленно. Получается, что не надо через запятую говорить «модернизация, глобализация», как нельзя говорить «глобализация, демократизация».

Глобализации сопутствует еще один провал в цивилизации, а именно переход от продуктивного капитализма к ростовщически-спекулятивному капитализму. На наших глазах совершается архаизация капитализма. Сегодняшний капитализм поразительно напоминает капитализм довеберского типа, капитализм средневековых или античных спекулянтов. Глобализации сопутствует целый ряд поворотов от модерна к архаике.

Еще один парадокс, связанный с глобализацией, — это рынок и просвещение. Между

рынком и просвещением существует некая динамическая связь, не во всем они совпадают. Они будут противоречить друг другу. Мы сегодня видим, что рынок, в частности, вступил в борьбу с просвещением, рынок способен уничтожить просвещение. Рынок является процедурой открытия оптимального удовлетворения потребностей. Просвещение — это система увеличения человеческих способностей, не потребностей, а способностей, посредством использования научного знания. В области образования просвещение работает тогда, когда система теоретической подготовки опережает систему прикладной подготовки. Нынешние реформы в области образования по ряду рыночных приоритетов движутся в прямо противоположном направлении. Я слышу от министра образования, что количество теоретических подразделений должно резко сократиться, Академию наук надо демонтировать, передать в университеты, а количество теоретических кафедр резко сократить — таково веление рынка. Тем самым нарушается формула прогресса, формула просвещения: теоретическое знание должно развиваться быстрее прикладного. Рынок как инстанция не будет содержать фундаментальную науку никогда и ни при каких обстоятельствах. Требуется некая внерыночная инстанция, чтобы великодушно кормила фундаментальную науку. А рынок зарежет эту курицу, говоря, давайте мне прикладные яйца — и моментально. Ясно, что рынок, который крохоборчески уничтожает общетеоретические знания, фундаментальную науку и общее образование, оставляя лишь то знание, которое обещает немедленную прикладную несомненную пользу, — этот рынок уничтожает саму систему модерна, саму систему качественных прорывов. [...]

Я думаю, что мои прогнозы на XXI век являются драматическими прогнозами. Думаю, что более неустойчивой эпохи, чем эпоха, в которую мы с вами вступили, — эпоха XXI века, — более неустойчивой эпохи человечество еще не знало.